

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА СУДЕБНЫХ ИЗВЕЩЕНИЙ ПОД ВЛИЯНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Н.А. Бесецкая

*доцент кафедры гражданского права юридического факультета
УО «Полоцкий государственный университет»,
кандидат юридических наук, доцент*

Современный темп технического развития оказывает сильное влияние на все сферы жизни общества. Цифровые технологии – ее неотъемлемая часть. Их применение является объективным фактом, который нельзя отрицать или игнорировать. В связи с этим представляет определенный интерес то, как под действием этих процессов изменилось или должно измениться правовое регулирование соответствующих общественных отношений. Не смогло избежать их влияния и процессуальное законодательство, несмотря на весь присущий ему в определенной степени консерватизм. Особо показательно это на примере института судебных извещений. Актуальность поднятой проблемы еще более усиливается в свете разработки в Республике Беларусь единого процессуального законодательства о гражданском и хозяйственном судопроизводстве. Надлежащее и своевременное информационное обеспечение участников цивилистического процесса имеет глобальное значение для правильного рассмотрения и разрешения судом дела, а его необеспечение влечет системное негативное влияние на все фундаментальные принципы гражданского и хозяйственного судопроизводства. Несмотря на отмеченную важность соблюдения процессуальной формы применительно к судебным извещениям и тяжести последствий ее несоблюдения, на практике довольно часто именно здесь допускаются ошибки.

Однако, прежде всего, стоит определиться, в чем же заключается задача суда по судебному извещению? Несовершенство норм о судебной корреспонденции и в Хозяйственном процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – ХПК), и в Гражданском процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – ГПК) не позволяет однозначно установить, что означает выполнение судом надлежащего извещения участвующих в деле лиц. Так, из толкования ч. 1 ст. 142 ХПК вытекает, что экономический суд должен располагать сведениями о получении адресатом направленной ему копии судебного постановления или судебного извещения. При этом фразу «о получении адресатом» можно понимать по-разному: и в контексте «только поступление», и в контексте «поступление и непосредственное восприятие». В ГПК вообще отсутствует соответствующая норма. Кроме того, в

ч. 2 ст. 140 ХПК, ч. 2 ст. 143 ГПК устанавливается только, что любой используемый судом способ доставки должен обеспечивать фиксирование факта извещения или вызова. Вследствие этого, можно только исходить из толкования, что подразумевается под «фактом извещения или вызова»: факт отправления или факт доведения судебного извещения до сведения адресата? Неоднозначность такого толкования указанных норм ярко проявляется при применении судом современных средств связи, так как именно в этих случаях объективно трудно быть уверенным, что информация не только дошла до адресата, но и была прочитана им. На практике же суды демонстрируют крайне формальный подход, ограничиваясь лишь фиксацией факта отправления судебной корреспонденции адресату.

Вместе с тем цели, задачи и принципы судопроизводства невозможно реализовать без доведения судом сведений, которые должны отражаться в судебной корреспонденции, таким образом, чтобы адресат мог ее непосредственно воспринимать и руководствоваться ею.

В юридической литературе возможность использования современных каналов передачи информации для целей судебного извещения оценивается диаметрально: либо с энтузиазмом, либо скептически. В частности, Е.В. Зайченко приходит к выводу о допустимости, эффективности доведения процессуально значимой информации таким образом [1, с. 16]. Напротив, В.П. Скобелев утверждает, что надлежащее извещение возможно только при использовании бумажной судебной корреспонденции [2, с. 84]. Однако, на наш взгляд, истина лежит где-то посередине.

Использование современных технологий в процессе судебного извещения может обеспечить, в сравнении с традиционными способами, такие преимущества как: легкость использования; скорость передачи информации; снижение материальных издержек. Практические же проблемы обусловлены, прежде всего, технической составляющей. Справедливости ради, стоит отметить, что они были созданы изначально не для этих целей. И в связи с этим возникает вопрос, что необходимо адаптировать: данные технологии под цели и задачи судопроизводства или процессуальные нормы о судебной корреспонденции под их технические возможности? На наш взгляд, несмотря на альтернативный характер этого вопроса, ответ на него не может быть полярным и однозначным. Необходимо не только разработать эффективные процессуальные нормы, но и создать соответствующие сервисы, использующие современные способы передачи информации, адаптированные под правила судопроизводства (например, специализированные безопасные электронные платформы и т.п.). Критерии надлежащего извещения должны соблюдаться судом единообразно независимо от избранного им способа доставки или вручения судебной корреспонденции с достоверной фиксацией не только факта передачи или отправки сообщения, но и факта его получения адресатом.

Что касается действующего правового регулирования, то законодатель фактически в обоих кодексах (ГПК и ХПК) ограничивается только

констатацией возможности использования современных способов, предъявляя к ним единственное требование - обеспечение фиксации извещения или вызова. При этом не предлагает хотя бы минимальный объем процессуальных правил их применения. Так, в ГПК и ХПК устанавливается право известить участников процесса посредством «глобальной компьютерной сети Интернет», но размытость указанной формулировки не позволяет установить, где именно и какая информация будет размещаться. По сути, это может означать и официальный сайт или страницу суда либо иной сайт, и Единый портал электронных услуг, а также страницу адресата в социальной сети (Facebook, Twitter, одноклассники и т.п.). Вместе с тем участники процесса должны иметь четкое представление о месте размещения соответствующей информации. В инструкциях по делопроизводству не определяется на кого возлагается такая обязанность. И, самое главное, законодательно не определено каким образом должен быть зафиксирован факт и время ее размещения, а также что будет надлежащим доказательством этого. Кроме того, в обоих кодексах на участников процесса не возлагается обязанность самостоятельно получать информацию о движении дела и ответственность за ее неисполнение (например, подобные правила содержатся в п. 6 ст. 121 АПК Российской Федерации). Тем не менее в свете сохраняющегося значительного разрыва в вопросе обеспеченности доступа к Интернету юридических и физических лиц, перспектива возможности выработки унифицированных правил использования сети Интернет при судебном извещении в Едином процессуальном кодексе представляется призрачной. И простой перенос в него формулировок из действующих кодексов, не решит поднятой проблемы.

В ст. 144 ГПК и ст. 140 ХПК определяется содержание судебных извещений (повесток) только применительно к традиционным способам доставки и вручения. При этом и технические особенности иных способов доставки судебного извещения (например, СМС-сообщений) ограничивают возможность применения данных правил. Следовательно, при их использовании передаваемая информация может быть, по сути, любой (по усмотрению того, кто его направляет). Полагаем, закон должен отдельно предусматривать содержание сообщений, направляемых по абонентскому номеру сотовой связи или электронному адресу.

Кроме того, учитывая тот факт, что при доставке судебного извещения посредством большинства современных способов связи возникает коллизия между фактом его доставки и фактом его восприятия лично адресатом, в процессуальном законодательстве следует предусмотреть опровержимую презумпцию надлежащего извещения в случае доставки сообщения на техническое устройство адресата, что позволит обеспечить разумный баланс интересов участников процесса.

В ст. 147 ГПК и ст. 143 ХПК фикция извещения установлена только при несообщении суду о перемене адреса. Однако игнорируются случаи несообщения суду об изменении абонентского номера сотовой связи и адреса

электронной почты, которые не исключают возможность злоупотребления процессуальным правом и намеренное затягивание процесса по делу.

Трудно не согласиться с В.П. Скобелевым в оценке качества регулирования современных способов передачи информации: « ... нормы глав 16 ГПК и 13 ХПК в своей основной массе «заточены» под бумажную судебную корреспонденцию» [2, с. 84]. Однако это не может быть единственным доводом против. Кроме того, технические достижения последнего времени позволяют преодолеть большинство высказанных в юридической литературе критических замечаний в отношении судебного извещения с использованием различных современных технологий (например, отправители электронной почты могут воспользоваться бесплатными сервисами, обеспечивающими фиксацию не только получения, но и открытия электронного письма адресатом; отправка СМС-извещения через специальные Интернет-сервисы или программы и т.д.). Проблема здесь кроется не в самих современных способах передачи информации, а в отсутствии норм, регламентирующих их применения для целей судебного извещения, и гарантирующих соблюдение требований процессуальной формы и принципов судопроизводства.

Полагаем, трудно отрицать тот факт, что со временем использование современных способов передачи информации для вручения судебной корреспонденции станет преобладающим. Однако их внедрение, безусловно, не должно носить «стихийный», «саморегулируемый» характер. На совершенствование процессуальных норм о традиционных способах вручения ушел не один десяток лет. И при этом их использование по-прежнему не лишено недостатков. Вместе с тем современный темп жизни, естественно, диктует необходимость более быстрой реакции законодателя на изменение общественных отношений. Фактически уже накоплен достаточный опыт практической реализации большинства современных способов передачи информации, который может послужить основой для выработки адекватных правил их применения в целях судебного извещения. Это позволит наиболее оптимально учитывать как преимущества, так и их недостатки, а грамотный подход к их правовому закреплению упростит и ускорит коммуникацию между судом участниками процесса. Тем не менее упрощение не должно стать самоцелью, в ущерб требованиям создания надлежащей процессуальной формы. Вследствие этого процесс трансформации правового регулирования института судебных извещений – это неизбежная реакция на внедрение в правила судопроизводства цифровых технологий.

Библиографический список

1. Зайченко, Е.В. Информационное обеспечение в гражданском и арбитражном процессе : автореф. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / Е. В. Зайченко ; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2013. – 29 с.
2. Скобелев, В.П. Возможно ли извещение о судебном процессе посредством СМС-сообщений и иных современных средств коммуникаций

считать надлежащим? / В.П. Скобелев // Право на судебную защиту как гарантия эффективности несудебных форм защиты : материалы междунар.науч.-практ. круглого стола, Минск, 1 нояб. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: И. Н. Колядко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2020. – С. 83-87.

СПОРТИВНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ (ТВОРЧЕСКОЙ) ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

И.Н. Букаева

*доцент Российского государственного университета
физической культуры, спорта, молодежи и туризма (ГЦОЛИФК),
кандидат юридических наук, доцент*

В.В. Михольская

*доцент Московского государственного университета
геодезии и картографии (МИИГАиК),
кандидат юридических наук, доцент*

Отсутствие в действующем российском законодательстве такого определения как «произведение» не оставляет сомнения в необходимости его закрепления с определением его характерных признаков, что позволит регулировать вопросы о предоставлении авторско-правовой охраны.

По результатам проведенного анализа определений, содержащихся как в законодательстве, так и в доктрине цивилистической науки, выделяют существенные признаки в определении произведения:

- первый - это результат деятельности автора;
- второй - результат должен иметь творческий характер;
- и, третий признак, состоит в том, что результат должен быть выражен в объективной форме в различных сферах человеческой деятельности: науке, литературе и искусстве.

Согласно п. 1 ст. 1259 ГК Российской Федерации, «объектами авторских прав являются произведения науки, литературы и искусства, независимо от назначения и достоинства произведения, а также от способа его выражения».

Как справедливо отмечает Н.В. Махагонова, что кроме формально-юридических условий признания произведения объектом авторского права есть ещё и «требования профессиональные, этические, требования, выдвигаемые самим обществом» [1, с. 23].

В российской юридической науке, в связи с коммерциализацией спорта, остро стоит вопрос о том, будет ли пользоваться правовой охраной спортивное произведение, обладающее всеми признаками объекта авторского права, но не относящиеся прямо к сфере науки, литературы и искусства, например, произведение технического творчества.

Э.П. Гаврилов справедливо полагает, что охраной по действующему законодательству пользуются любые произведения, в которых проявляется